

*Я люблю, когда шумят берёзы,
Когда листья падают с берёз,
Слушаю – и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слёз...*

Николай Рубцов

Вот и минул год со дня смерти отца. Пронесся декабрьским ветром, пронизал, похолодил душу, но не выстудил боль. Не смиряется сердце с утратой, болит, и время здесь не в помощь.

Два с небольшим года назад увесистой бандеролью пришла на мой адрес одна из последних книг отца с тревожным названием «Затаив дыхание». На титульном листе подпись: «На память Ивану Евсеенко-младшему от Ивана Евсеенко-старшего». Как всегда, чуть ироничная, но добрая, отеческая...

И была та книга, помимо прекрасного содержания, и внешне несказанно хороша: в твердом переплете, на белоснежной плотной бумаге, впечатляющая по объему. На лицевой стороне обложки безукоризненной гладью синела река Сновь. Запечатленная фотографом с деревянного Займищанского моста, построенного уже в девяностые годы, она уводила взгляд смотрящего вдаль и терялась меж бескрайних лесов и полей. На тыльной стороне изображен сам мост на черных костистых опорах да с щербатым настилом и текущая под ним всё та же Сновь-река. Здесь она снята теперь уже то ли с лодки, то ли с берега, противоположного тому, на котором стоит родное село отца Займище.

Неспешно и величаво течет Сновь, омывая знакомые еще по раннему детству пологие берега, усеянные кустарниками боярышника и камышом.

Хорошо помню, как с тех самых берегов мы с отцом в конце семидесятых годов не единожды рыбачили, когда спиннингом, а чаще простыми удочками, наспех сварганенными из прибрежного ивняка...

Совсем далеко, поверх зеленоватых макушек деревьев, почти сливаясь с небом, едва различимым голубоватым пятнышком светится церковь. Вернее, это теперь церковь. А в годы моего

детства — обыкновенный сельский клуб. Один из многих, которые во времена СССР имелись во всяком мало-мальски приличном селе. В него теплыми июльскими вечерами отец часто водил меня на просмотры советских кинофильмов, или же на концерты местной художественной самодеятельности.

И если спуститься с моста на ту сторону, где расположено село, и немного пройти по широкой песчаной дороге вдоль берега, то скоро займищанский храм Петра и Павла предстанет перед вами во всей красе. Здесь, напившись воды из церковного колодца, стоит повернуть на улицу Червоноармейскую и минут через пять оказаться у крыльца нашего родового дома.

Об этом доме отец написал очень много, и даже в тех повестях и рассказах, которые не были по своим сюжетам документальными, я часто узнавал его по знакомым лишь мне деталям: русской беленой печке, пристроенному к ней деревянному полику, просторным сеням, устеленному соломой чердаку. Узнавал и искренне радовался про себя этому узнаванию. Не зря, наверное, отец так часто вставлял в свои произведения подробное описание нашего дома. Настолько он по своему внешнему и внутреннему облику был типичен, как для Украины, так и для России.

Рядом с хатой, теперь уже на вид не бревенчатой, а обделанной на современный лад бежевым сайдингом в небольшом палисаднике, огражденном низеньким деревянным заборчиком, посреди выращенных уже в нынешнее время декоративных растений и тесня их своей ширью, возвышается береза, посаженная перед самой войной моим дедом Иваном Денисовичем Евсеенко. Для отца всё, что связано с дедом, всегда было без преувеличения священным.

Привилось такое отношение и мне. Помню, как часто, будучи еще совсем ребенком, я подбирался к березе и осторожно трогал

ее кору-бересту, словно через прикосновение пытался ощутить теплоту рук деда. Ведь теплота эта по моему тогдашнему детскому разумению чудесным образом должна была сохраниться до сей поры. Если честно, то я и сейчас в это свято верю.

Примерно в те же годы, а точнее в семьдесят пятом, пригожим апрельским днём, уже в городе Воронеже, мы с отцом, вооружившись лопатой и ведром с водой, вышли во двор, чтобы посадить теперь уже нашу семейную березу. Что тут сказать, не считая хорошего настроения и ощущения начала чего-то светлого и настоящего, ничего особенного в этом действе не было. Выкопали не глубокую ямку, опустили в нее тоненький, почти безжизненный саженец, принесенный отцом из близлежащего леса, засыпали землей, полили. А закончив посадку, чуть постояли в удовлетворенном молчании.

Особенное ожидало меня потом, когда береза стала подрастать, словно, как мне тогда казалось, ростом своим соревнуясь с ростом моим. А самое главное, время от времени невольно вынуждала думать о себе и даже беспокоится. Как будто ее березовая судьба, каким-то образом связалась с судьбой моей БТЬ» человеческой и теперь чуть ли не влияла на нее.

Очень часто, проживая уже в другом районе Воронежа, я, доверяясь минутному порыву, мог ни с того ни с сего оседлать свой раскладной велосипед и преодолевая крутые подъемы и спуски Чернавского моста, без усталости мчать через весь город. Лишь для того, чтобы проведать наше с отцом дерево. Доехав, минут пять, не слезая с велосипеда, издали оценивающе глядел на него и, удостоверившись, что всё в порядке, катил обратно. Иногда, бывало, сам отец случайно оказывался на левом берегу и по возвращении домой, за обедом, а чаще за ужином, добродушно, приглаживая ладонью, начинающую сидеть бороду, рассказывал всему семейству про нашу с ним березу, о том насколько она подросла — и вверх, и вширь.

Однажды, то ли в конце восьмидесятых, то ли уже в начале девяностых, его рассказ меня сильно расстроил. По словам отца, одна из толстых ветвей березы начала гнить, а потом и сохнуть. Чтобы сохранить дерево, наши бывшие соседи больную ветвь отпилили и замазали место спила садовым варом, словно рану. Я, помнится, выслушав тревожную весть, порядком огорчился, словно плохое произошло с кем-то из родных или близких. Долго переживали мы с отцом эту неприятность, намеревались даже посадить под окнами новое дерево. Но позже, где-то год спустя, видимо, еще раз побывав в тех местах, отец как-то торжественно объявил, что всё, слава Богу, нормально, береза ожила, а на обрубке появились небольшие веточки с листочками.

Сегодня отца, вот уже год, как нет. Но в Воронеже, на левом берегу, во дворе одного из домов по улице 25 Января, до сих пор качается и шумит наша с ним береза. Съездить бы, взглянуть на нее! А еще лучше – показать сыну. Подойти, осторожно коснуться завитков лоснящейся бересты, как в теперь уже далеком детстве, помянуть светлые детские дни и, конечно, отца. Ведь береза наша, как и та займищанская, уверен, всё еще хранит тепло его рук.

Люди уходят, а деревья, посаженные ими, остаются и своим благородным молчанием хранят память о них. А иногда, чаще по осени, то нарастающим, то затихающим шелестом, будто что-то говорят нам. А мы, затаив дыхание, слушаем, и, конечно, понимаем, о чем этот рассказ...

Дождаться бы весны, искристого апрельского солнца, позаимствовать у русского леса березовых саженцев и теперь уже около своего дома, вместе с сыном, посадить их. Потому как чувствую сердцем, подоспело время...